

З. П. Соколова

**ФИННОУГРОВЕДЕНИЕ
В ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹**

Интерес венгров к истории, языку, фольклору и этнографии финно-угорских народов, а особенно обских угров, родственных им по происхождению, возник давно. В первой половине XIII в. известный доминиканский монах отец Юлиан отправился за тридевять земель — из Венгрии на Урал — в поисках прародины венгров². В дальнейшем у него было немало последователей. Среди венгерских исследователей обско-угорской этнографии и фольклора, а также обско-угорских языков выделяются А. Регули, Б. Мункачи, Я. Янко, И. Папай, К. Папай, работавшие в Западной Сибири среди обских угров в середине и второй половине XIX в. Они собрали богатые коллекции предметов материальной и духовной культуры финно-угорских народов и оставили после себя фотоархивы, дневники³, многочисленные труды⁴, значение которых сохранилось до наших дней. Венгерские материалы представляют интерес и для советских ученых, занимающихся этнографией финно-угорских народов.

Проблемы финно-угорской этнографии и фольклористики разрабатывают различные учреждения в ВНР. Этнографическая исследовательская группа при Венгерской Академии наук (Néprajzi Kutató Csoport), Музей этнографии в Будапеште, кафедры этнографии Будапештского, Сегедского и Дебреценского университетов, Венгерское этнографическое общество (A Magyar Néprajzi Társaság) и местные музеи.

Венгерское этнографическое общество, возглавляемое в настоящее время академиком Д. Ортутаи, существует уже более 100 лет. Оно объединяет этнографов страны, способствует их научной деятельности и занимается пропагандой этнографических знаний среди населения. В обществе состоит около 460 членов, работают три секции. Деятельностью общества руководит комитет из 23 членов во главе с председателем-исполнителем (И. Балашша), тремя вице-президентами (И. Талаша, Б. Гунда, Т. Бодроги), ученым секретарем (Л. Фельдеш), секретарем (П. Кечкеш). Общество издает научный журнал «Ethnographia» (выходит 4 раза в год) и информационный сборник «Néprajzi Hírek» («Этнографические новости»).

Этнографическая исследовательская группа Венгерской Академии наук была создана в 1960 г. Она состоит из трех секторов: фольклора (зав.—М. Иштванович), этнографии (зав.—И. Винце) и социологии (зав.—Т. Бодроги). В каждом отделе работает по 10—12 сотрудников.

¹ Сообщение не претендует на полноту охвата проблемы; оно основано на данных собранных автором во время четырехмесячной командировки в ВНР в сентябре — декабре 1972 г.

² «Известия венгерских миссионеров XIII—XV вв. о татарах и Восточной Европе», «Исторический архив», вып. III. М.—Л., 1940.

³ Коллекции хранятся в фонде финно-угорской коллекции Музея этнографии (Néprajzi Múzeum) в Будапеште (К. Папай — № 3311—3958, Я. Янко — № 39935—40384, И. Папай — № 31747—31794, Д. Киша — № 32525—32528), фотоколлекции (F. 4079—5289, F. 2159—2230, р. 4142 и др.) и дневники (№ 4142) в архиве (Ethnologiai Adattár).

⁴ См. библиографию в кн.: В. К о г о т р а у, Die finnisch-ugrische Ethnologie, «Acta linguistica», t. X, f. 1—2, Budapest (далее — Вр.), 1960.

Это главным образом молодежь, выпускники кафедр этнографии Будапештского и Дебреценского университетов.

Основной задачей группы является подготовка трехтомного этнографо-фольклорного лексикона (энциклопедии), охватывающего вопросы развития венгерской народной культуры, как материальной, так и духовной⁵. Этот труд должен выйти в ближайшие годы. Вместе с тем уже сейчас планируется работа над более обширным, многотомным исследованием по этнографии Венгрии. Поскольку этнографическая группа невелика, она привлекает для этих исследований этнографов из Музея этнографии, университетов Будапешта, Дебрецена, Сегеда, местных музеев.

Сотрудники Этнографической группы в подавляющем большинстве являются специалистами в области венгерской этнографии и фольклористики. Этнографией и фольклором зарубежных народов сейчас занимаются только М. Иштванович (фольклор народов Кавказа) и Т. Бодроги (искусство, религия народов Океании). Преждевременная смерть унесла выдающегося венгерского сибироведа В. Диосеги, специалиста по языкам тунгусо-маньчжурских народов, автора работ по народным верованиям венгров. Широко известен в международных научных кругах составленный им сборник статей о верованиях народов Сибири, изданный на английском и немецком языках.

В. Диосеги собрал в музеях СССР, Финляндии, Норвегии и других стран обширные материалы по религии народов Сибири, которые хранятся теперь в архиве Будапештского музея этнографии. Им же собраны большие и интересные материалы по отечественной духовной культуре, отражающие древние венгерские верования и обряды. Эти материалы, ныне сосредоточенные в будапештском Музее этнографии, состоят из полевых записей исследователя, картотеки из 13 тысяч карточек, фиксирующих предметы культа (бубны, шаманские костюмы, изображения духов и божеств, амулеты и т. п.) сибирских народов, копий архивных материалов А. В. Анохина и М. Н. Хангалова, фотоколлажей. В. Диосеги оставил богатое литературное наследие⁶. Его работы посвящены проблемам сибирского шаманства, а также шаманства у народов Европы, вопросам развития религиозных верований.

В будущем, по свидетельству Д. Ортутаи, предполагается углубление специализации этнографов и фольклористов Этнографической исследовательской группы в трех направлениях: финно-угорская (в том числе венгерская) этнография, советская этнография и этнография других социалистических стран Европы. Планируется подготовить к изданию целый ряд этнографических источников. Отдел социологии совместно с Институтом философии по заданию ЦК Венгерской рабочей партии исследует проблему «Традиция и культура». Наряду с изучением крестьянской культуры, быта, фольклора в последнее время внимание венгерских этнографов обращено и на проблемы рабочего фольклора, быта, культуры.

При поддержке Министерства культуры и образования Этнографическая исследовательская группа координирует работу этнографов и фольклористов в местных музеях. Раньше все сотрудники группы были закреплены за определенными музеями отдельных комитатов (административных областей страны), где они выполняли роль референтов и консультантов. Но эта система не очень удачна (все сотрудники заняты плановой темой и могут выезжать в музеи лишь изредка), и в дальнейшем решено ее изменить. При участии Этнографической исследователь-

⁵ Об этом см.: И. Кюллеш, Венгерская этнографическая энциклопедия, «Сов. этнография», 1972, № 3.

⁶ Библиография трудов В. Диосеги опубликована в журнале «Ethnographia», 1973, № 4.

ской группы обсуждаются планы музеев, законченные работы, рефераты диссертаций. В октябре каждого года проводится месячник музеев, к которому приурочиваются проведение научных конференций, недель народного искусства, открытие этнографических выставок и новых экспозиций музеев. Во всех этих мероприятиях активно участвуют сотрудники Этнографической исследовательской группы. Этнографическая группа и музеев совместно готовят коллективные труды; общими силами проводится также сбор этнографических материалов.

Этнографическая исследовательская группа имеет свое издание — ежегодник «Népi kultúra — Népi társadalom» («Народная культура — народное общество»). Кроме того, ее работники активно сотрудничают в органе Венгерской Академии наук «Acta ethnographica» и в органе Венгерского этнографического общества «Ethnographia».

В будапештском Музее этнографии работают около 30 научных сотрудников, изучающих главным образом этнографию и фольклор Венгрии. В области обско-угорской этнографии специализируется Я. Кодолани⁷ (он заведует финно-угорской коллекцией музея). Проблемами этногенеза финно-угорских народов занимается П. Вереш⁸. В своих статьях он широко использует работы советских археологов, антропологов и этнографов. К. Чиллери посвятила свою диссертацию и ряд статей истории венгерского жилища; она сопоставила некоторые его типы с общими для финно-угорских народов формами⁹.

За 100 лет своего существования Музей этнографии собрал большой фонд коллекций предметов различных народов земного шара¹⁰. Музей имеет два полугодовых периодических издания: «A Néprajzi Értesítő» («Этнографический вестник») и «A Néprajzi Közlemények» («Этнографические сообщения»). В них публикуются работы сотрудников музея, ежегодные отчеты о научной и собирательской работе музея. К сожалению, до получения нового здания в январе 1973 г. музей не имел возможности развернуть экспозиции.

В финно-угорской коллекции для нас особенно интересны были предметы, отражающие материальную и духовную культуру обских угров. Первая коллекция такого рода была составлена А. Регули. Самая большая и интересная коллекция (635 предметов) собрана К. Папаем; коллекция Я. Янко содержит около 500 предметов. В музее имеются также небольшие коллекции И. Папая и Д. Киша.

А. Регули в 1842—1845 гг. посетил обширную территорию расселения обских угров в Западной Сибири (Нижнюю Обь с притоками Вогулка, Сыня, Войкар, Полуй, Сосьва, Конда, Лозьва, Пелым, Тура, Демьянка, Тобол¹¹). Он собирал одежду, обувь, головные уборы, украшения, модели нартов, луки и рыболовные снаряды, орудия труда, музыкальные

⁷ Основные труды Я. Кодолани по обско-угорской этнографии: Antal Reguly, «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», Bp., 1963; Speicher der Chanten (Ostjaken) für Opfergegenstände; Там же; Die Sammlungen von Károly Pápai und János Jankó in der Erforschung der Kultur der ob-ugrischen Völker, «Congressus internationalis Flenno-Ugristarum», Bp., 1963; Einige Lehren der Forschungen über die materielle Kultur der ob-ugrischen Völker, «Congressus Secundus Internationalis Flenno-Ugristarum», Helsinki, 1965; Az obi-ugor népek anyagi kultúrája a XIX században, «Kandidatusi értekezés tézisei», Bp., 1965; Az obi-ugor népek állattartása a XIX században, «A Néprajzi Értesítő», XLVII, Bp., 1965; A bör az obi-ugor férfiruházathoz, Там же, XLVIII, Bp., 1966; Jankó János a néprajztudós; Там же, L., Bp., 1968; Az obi-ugor testi ruhák kialakulásának kérdéséhez, Там же; LII, Bp., 1970; Frauenbekleidung der Ob-Ugrier, «Acta ethnographica», t. XVIII, Bp., 1969.

⁸ См. его труды: A magyar nép ethnikai történetének vázlatja, «Valóság», 1972, № 5; Ujabb adatok a finnugor és magyar őstörténethez, «A Néprajzi Értesítő», Bp., 1971; Fákban és vizekben bővelkedő tartomány, Bp., 1973.

⁹ K. Csillery, A magyar kúpus kunyhó, «A Néprajzi Értesítő», LII, Bp., 1970.

¹⁰ 150 тысяч экспонатов, 2 млн. рукописей, 250 тысяч единиц фотоархива («A Néprajzi Múzeum. 1872—1972», «Népművelési Propaganda Iroda», Bp., 1972).

¹¹ I. Balassa, Reguly Antal néprajzi gyűteménye, «A Néprajzi Értesítő», 1954; J. Kodolanyi, Antal Reguly, S. 25—26.

инструменты («мансийская лира») и предметы культа (изображения духов). Часть этой коллекции утрачена.

Рукописи, дневники и письма А. Регули обработаны лишь частично; они издавались уже после его смерти И. Папаем, М. Жираи, И. Балаша, Ф. Толди, Б. Мункачи и др.¹² Для того, чтобы разобраться в этих материалах, Б. Мункачи и К. Папай отправились в 1888—1889 гг. по маршруту А. Регули. Они изучали язык и фольклор обских угров, а также собирали антропологические данные, рассматривая их с точки зрения этногенетических проблем. К. Папай приобрел в 1888 г. множество предметов у манси Лозьвы, Сосьвы, Сытвы (Ляпина), Волы, Конды и хантов Нижней и Средней Оби (в районах Березова и Сургута), Иртыша, Васюгана и нарымской Оби. Правда, далеко не все предметы были документированы; это сделал уже В. Семайер, который частично опубликовал данную коллекцию¹³. Собрание холщовых рубашек хантов из коллекций К. Папая и Я. Янко было опубликовано в издании музея¹⁴. В настоящее время эту работу продолжает Я. Кодолани.

В коллекции К. Папая — орудия охоты и рыболовства обских угров (стрелы с наконечниками, берестяной колчан, пороховница, петли на бортовую дичь, рыболовные крючки и плетеные ловушки, сети, иглы и шablоны для сетей), модели лодок и орудия домашнего труда (скрепки, пряслица, модель кожемалки), а также различные виды одежды, обуви, головных уборов, рукавицы (из меха, сукна, хлопчатобумажных тканей), украшения из бисера, различные сумочки и мешки для хранения имущества и рукоделия (из меха, рыбьей кожи), берестяные и деревянные изделия (коробки, туеса, табакерки, ступки, корыта) и штампы для нанесения на них орнамента. В коллекции есть также музыкальные инструменты (типа «тороп-юх» — «лебедь»), счетные палочки, предметы культа (изображения духов, фигурки почитаемых животных, берестяные маски «медвежьего праздника» и др.). Хотя наши собрания по обским уграм в МАЭ, ГМЭ и местных музеях Тобольска, Томска, Тюмени и Ханты-Мансийска, естественно, богаче венгерских, тем не менее в последних имеются предметы, представляющие особый интерес. Это, например, снеговые (светозащитные) очки сургутских хантов, опрaвленные плетеным шнуром и украшенные полоской ткани, расшитой бисером, с ремешками-завязками для надевания на голову, некоторые типы бисерных украшений, пряслица и костяные штампы для орнаментирования берестяных изделий с Васюгана и Нарыма. Не часто бывают представлены в коллекциях и образцы заготовок беличьего сборного меха, а также материалов, сшитых из птичьих шкурок (Нарым). Очень интересны культовые вещи: обрядовые «рукавицы» для покойника (два мешочка из ткани, на каждом из которых нашиты по две голубые бусины) из-под Обдорска, мешочек из красного сукна, отделанный спереди меховой инкрустацией и предназначенный для хранения волос умершего (Сосьва), серебряные и медные вещи, изготовленные в Петербурге в XIX в. для обшени с обскими уграми (Ляпин)¹⁵. Металлические предметы представлены ритуальными тарелочками, стаканом и пластинами с выдавленными на них рисунками с сюжетами из жизни обских угров. Пластины означены у К. Папая как налобное женское украшение, так же определяет их назначение и Я. Кодолани¹⁶, хотя он допускает их использование в культовой одежде. Скорее всего это были куль-

¹² См. библиографический обзор Б. Коромпая: «Acta linguistica», t. X, f. 1—2, Вр., 1960.

¹³ V. Semayer, *Vogul-osztják hímes kéregedények*, «A Néprajzi Értésítő», 1905; его же, *Az osztjákok viselete és hímzéseink*, Там же, 1907.

¹⁴ *Ostjakische Stickereien*, «Ethnographische Sammlungen der Abteilung der Ungarischen Nationalen Museum», IV, Вр., 1921.

¹⁵ Н. Ф. Прыткова, *Металлическая культовая посуда у угров*, Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949.

¹⁶ I. Kodolanyi, *Frauenbekleidung der Ob-Ugrier*, S. 120.

товые предметы, возможно, игравшие и роль налобных украшений. Их надевали на изображения духов¹⁷.

Вторая большая обско-угорская коллекция будапештского Музея этнографии собрана в 1894 г. Я. Янко, участником экспедиции Е. Зичи в Сибирь (тоже по следам экспедиции А. Регули). Я. Янко изучал вопросы этнографии и антропологии хантов в связи с проблемами древней истории, генезиса поселений, построек и рыболовства венгров. На Оби, Иртыше, Югане, Салыме он собрал предметы, характеризующие хозяйство (рыболовные орудия, орудия домашнего труда), быт и культуру (одежду, обувь, бисерные украшения, изделия из бересты и прочую утварь, музыкальные инструменты типа «тороп-юх» и «нарас-юх»), предметы религиозного культа (бубны с колотушками, берестяные маски, изображение духа, счетные палочки с «медвежьего праздника»). В этой коллекции очень ценны собрания рыболовных орудий (различные крючковые снасти), моделей калдана и других рыболовных орудий (с Оби, Демьянки, Югана) и костяных штампов для орнаментирования берестяных изделий (Средняя Обь, Юган). Большой интерес представляет двухструнный, очевидно смычковый, музыкальный инструмент с Югана.

В коллекции И. Папая, тоже участника экспедиции Е. Зичи, сосредоточены предметы, характеризующие материальную и духовную культуру хантов Нижней Оби и Қазыма. Помимо одежды, обуви, рыболовных орудий, берестяных и деревянных изделий в этом собрании есть музыкальный инструмент «нарас-юх» и предметы культа. Среди последних следует отметить бубен с колотушкой, изображения духов и, что особенно интересно, куклу — вместилище души умершего с Нижней Оби, (правда, в коллекции этот экспонат интерпретируется как изображение духа).

Из коллекции Д. Киша, посетившего Нижнюю Обь в 1901 г., нам удалось посмотреть лишь несколько предметов (одежда, обувь, мешки из меха для хранения имущества).

В фотоархиве Музея этнографии хранятся две интересные фотоколлекции К. Папая и Я. Янко. В первой представлены типы манси Лозьвы, Сосьвы, Қонды и хантов Васюгана, Ваха, Қазыма в национальной одежде, засняты также некоторые трудовые процессы и предметы утвари. Большую ценность имеют фотокадры, зафиксировавшие типы одежды восточных — ваховских и васюганских — хантов (в том числе мужскую распашную верхнюю одежду) и танец с саблями нижеобских хантов. Фотоколлекция Я. Янко более обширна и содержит материалы, характеризующие также типы хантов Средней Оби, Салыма, Югана, Иртыша, Демьянки, их традиционную одежду, обувь, головные уборы, прически. В фотоматериалах нашли отражение и типы построек, лодок, способы рыбной ловли и охоты на зверя с помощью ловушек, устройство кладбищ. Особенно интересны фотографии, характеризующие хантов Средней Оби, Иртыша и Югана в национальной одежде, в настоящее время уже вышедшей из употребления, а также типы старинных построек и рыболовных орудий.

Кадры этнографов готовят кафедры этнографии Будапештского, Дебреценского и Сегедского университетов. На каждой из них занимается до 20 студентов, проходящих практику в поле, а также в центральных и местных музеях. За время обучения студенты получают две специальности: этнографа и учителя языка и литературы (венгерский язык и литература, русский язык и литература, английский язык и литература и т. п.). Сотрудники кафедр этнографии ведут, наряду с преподава-

¹⁷ См. аналогичные материалы в нашей статье «Пережитки религиозных верований у обских угров», Сб. МАЭ, т. XXVII, Л., 1971, стр. 217—218 (изображение казымской богини Вут-ими).

тельской, и большую научную работу, публикуя свои труды в изданиях университетов¹⁸.

В Венгрии всегда была сильной финно-угорская лингвистическая школа, которая способствует успешному изучению проблем финно-угорского родства. Этой проблематикой занимаются как Институт языкознания Венгерской Академии наук, так и кафедры финно-угорских языков Будапештского, Дебреценского и Сегедского университетов. Кафедра финно-угорских языков Дебреценского университета сейчас готовит к изданию мансийско-венгерский словарь. Кафедрой финно-угорских языков Сегедского университета руководит П. Хайду, известный специалист по самодийским языкам, автор многих работ, освещающих проблемы прародины народов уральской языковой семьи и финно-угров¹⁹. В настоящее время кафедра готовит финно-угорский этимологический и краткий селькупский словаря.

Для специалистов-финноугроведов интересны исследования антрополога Т. А. Тота (заведующего отделом Венгерского естественноисторического музея)²⁰, занимающегося проблемами происхождения венгерского народа, а также археолога И. Фодора (сотрудника Национального музея)²¹, который привлекает для реконструкции прошлого по археологическим данным этнографические материалы, в том числе и по обским уграм.

В Венгрии собственно этнография, как мы ее понимаем, пожалуй, развита меньше, чем фольклористика, имеющая здесь довольно старые традиции. Собственно говоря, этнография до недавнего времени была частью фольклористики и нередко ограничивалась изучением народного искусства, обычаев. И сейчас значительная часть венгерских этнографов изучает обычаи, обряды и фольклор.

На венгерскую этнографию в прошлом значительное влияние оказывали различные немецкие этнографические школы. В трудах венгерских этнографов преобладали сравнительно узкие темы (например, исследования венгерского жилища, мебели, сельскохозяйственных орудий определенной исторической эпохи, выполненные очень скрупулезно, с привлечением аналогий по соседним народам).

Современная венгерская этнография базируется на марксистской методологии исследования. Все большее внимание венгерских этнографов привлекают проблемы современных этнических и этнокультурных процессов.

Некоторые этнографы ВНР проявляют интерес к работам К. Леви-Стросса. Дискуссионность структурализма как метода нашла отражение и в венгерской литературе; ряд положений К. Леви-Стросса подвергся справедливой критике в венгерской печати²². В последние годы отмечается также некоторое увлечение отдельных венгерских этнографов и фольклористов семиотикой²³.

Вопросы этногенеза венгерского народа привлекают внимание в основном археологов, лингвистов и историков. Эта проблема очень часто

¹⁸ См., например, издания Дебреценского университета: «Műveltség és Hagomány», «A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Közlemények Néprajzi Intezetéből», «Néprajz és Nyelvtudomány»; Studia Ethnographica et Folkloristica in Honorem Béla Gunda, Debrecen, 1971.

¹⁹ P. H a j d u, Finnougrische Urheimatforschung, «Ural-Altische Jahrbücher», Bd. 41, Hf. 1—4, Wiesbaden, 1969.

²⁰ Т. А. Тот, Древнейшие периоды происхождения протovenгров, «Вопросы антропологии», 1970, вып. 36; Т. А. Тот и Б. В. Фирштейн, Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы, Л., 1970; см. также библиографию в «Anthropologica Hungarica», 1971, X.

²¹ И. Фодор, К вопросу о погребальном обряде древних венгров в IX—X вв., «Проблемы археологии и древней истории угров», М., 1972.

²² «Ethnographia», 1969, LXXX; «Népi kultúra — népi társadalom», IV, Вр., 1970; «Dokumentatio Ethnographica», 2, Szolnok, 1971.

²³ «Ethnographia», 1971, LXXXII.

рассматривается шире — как проблема прародины народов финно-угорской и даже уральской семьи языков.

Как и советские ученые, венгерские исследователи пришли к выводу, что данную проблематику можно решить только посредством комплексных исследований. Это подчеркнул в своем докладе «Об исследованиях древней культуры венгров» А. Барта на симпозиуме советско-венгерской исторической комиссии (секция древней истории), состоявшемся в октябре 1972 г. в Будапеште. Совершенно справедлива высказанная докладчиком мысль о том, что теории и методы истории, основанные на данных языкознания, недостаточны. О неправомерности преувеличения значения лингвистических источников при решении проблемы этногенеза говорили и участники дискуссии. Исследователи все чаще обращаются к данным археологии, антропологии, этнографии.

В настоящее время можно отметить следующие основные дискуссионные проблемы: 1) уральская языковая семья, связи финно-угорских и самодийских языков, место прародины уральской языковой семьи, время распада уральских языков; 2) вопрос о финно-угорской прародине, ее европейское (Д. Ласло, А. Барта, О. Н. Бадер и др.) или азиатское (В. Н. Чернецов, В. А. Могильников, П. Хайду, Т. Тот, П. Вереш и др.) местонахождение²⁴; 3) место и время разделения финно-угорской общности (в связи с этим сопоставляются археологические и лингвистические данные); 4) угорское единство, время его распада, формирование венгров, хантов и манси; 5) местонахождение венгерской прародины (казахстанские степи, Южный Урал, Среднее Поволжье); сопоставление археологических культур с протомадьярами и мадьярами, тюркский или финно-угорский характер культуры мадьяр в период освоения ими новой родины на Дунае; 6) социально-экономическое развитие мадьяр ко времени их прихода на Дунай (проблема номадизма и земледелия).

Этот круг проблем находится сейчас в центре внимания многих венгерских и советских ученых, главным образом лингвистов, археологов, антропологов. Думается, что и этнографы могут сказать здесь свое слово. В связи с этим определенный интерес представляет вопрос об угорском характере культуры венгров, об аналогиях в их культуре и культуре их ближайших родственников по языку — обских угров. Следуя традиции выдающихся венгерских исследователей Б. Мушкачи, Я. Янко, А. Регули, венгерские исследователи (особенно в 1950—1960-х гг.) обращались к финно-угорскому, в том числе и к обско-угорскому, материалу, используя его для интерпретации, выяснения этногенетических корней венгерской материальной и духовной культуры²⁵. Однако в последнее время венгерские исследователи стали чаще обращаться к европейским славянским материалам. Вероятно, это имеет определенный смысл, так как позволяет всесторонне выявить характер культуры древних венгров.

Даже сравнительно беглое знакомство с предметами материальной культуры венгров, как нам кажется, позволяет говорить о возможности выявления общих корней в венгерской и обско-угорской культурах. Ученые ВНР отмечают в орнаментах, например, в мотивах «кошкина лапа», «лисий локоть», «заячье ухо» секельских вышивок некоторое сходство с мансийскими²⁶. Прослеживаются также параллели и в штампованных орнаментах на берестяных и костяных изделиях. По форме и технике изготовления венгерские берестяные солонки очень напоминают

²⁴ См., например, «Проблемы археологии и древней истории угров», М., 1972.

²⁵ Л. Вардьаш, Угорский слой в венгерской народной музыке, «Acta ethnographica», I, Вр., 1950; А. Сендрей, Представления о душе в верованиях венгерского народа, «Acta ethnographica», II, Вр., 1951; G. Lúkó, Az ugor totemistikus exogamia emlékei a magyar folklórban, «Ethnographia», LXXVI, Вр., 1965; В. Гунда, A finnugor varsák fejlődésének néhány kérdése, «Műveltség és Hagyomány», VI, Вр., 1964 и др.

²⁶ G. Lúkó, Указ. раб., стр. 77—78, рис. 10.

обско-угорские табакерки²⁷. О финно-угорских элементах венгерского рыболовства уже писали венгерские ученые²⁸; вероятно, можно было бы установить более тесную его связь с обско-угорским рыболовством. Весьма интересно было бы сравнить венгерское пастушеское одяние «сюр» с обско-угорской распашной одеждой с несходящимися полами, венгерскую и обско-угорскую обувь типа «пюршни», типы плетеных корзин и коробок у венгров и обских угров²⁹, венгерские пастушеские счетные палки и обско-угорские счетные палки и календари. Любопытно проследить связь между древним обычаем некоторых групп венгров-рыбаков хоронить умерших в лодке или устраивать из старой лодки надгильное сооружение и старинным обычаем хантов и манси хоронить умерших в лодке, обрубая ее концы по росту покойного и оставляя их на могиле. Большой интерес представляет также длительное сохранение именно у венгров и обских угров обычая закрывать лицо умершего особой погребальной маской³⁰, а также мужская прическа из двух кос. Обращает на себя внимание большое сходство бытовавших в прошлом детских и обрядовых венгерских кукол и обско-угорских детских кукол без лица, что, очевидно, связано со сходными представлениями этих народов о душе. Вероятно, и сохранившийся до наших дней венгерский обычай называть женщину не по имени, а по имени ее мужа (Ласло-нэ — «жена Ласло»), остался от тех времен, когда предки венгров жили вблизи от обских угров, у которых этот обычай широко распространен (например, у хантов «Матвей ими» — женщина или жена Матвея). Думается, что изучение венгерской древней и современной культуры в аспекте ее древних связей с финно-угорскими народами вообще и обскими уграми в частности имело бы большое значение для решения проблемы этногенеза венгров.

В заключение надо отметить благотворное влияние расширения международных научных связей на развитие финноугроведения в последние 10—15 лет. Очень плодотворными были совместные советско-венгерские симпозиумы исторической и этнографической секций³¹ уже упомянутой выше советско-венгерской исторической комиссии, а также финно-угорские конгрессы, инициатором которых в 1960 г. выступила Венгрия. Очередной, IV Международный конгресс финноугроведов намечено провести в 1975 г. в Венгрии.

²⁷ E. Fél, T. Hofer, K. Csilléry K. Hungarian peasant art, Bp., 1969, l. 40.

²⁸ O. Herman, Urgeschichtliche Spuren in der Geräten der ungarischen volkstümlichen Fischerei, Bp., 1899; J. Jankó, Herkunft der madjarischen Fischerei, Budapest — Leipzig, 1900; B. G u n d a, Указ. раб.

²⁹ «A Néprajzi Múzeum 1900. évi tárgyiújtése», «A Népr. Értés», Bp., 1961, рис. 27; «A Néprajzi Múzeum kincsei», Bp., 1973, рис. 20.

³⁰ З. П. Соколова, Пережитки религиозных верований у обских угров; см. также указ. выше работу И. Фодора.

³¹ Этнографическая секция заседала в 1969 и 1970 гг. в Москве и Будапеште, материалы см. в «Népi kultúra — népi társadalom», V—VI, Bp., 1971.